

Таня Перес

ДИТЯ

ДОРОГ

Таня Перес Дитя дорог

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=642455

Перес Т. Дитя дорог (хроники 1941–1944): КНИГА–СЭФЕР; Москва –

Тель-Авив; 2008

ISBN 978-965-7288-17-7

Аннотация

Израильская актриса и художник Таня Перес родилась и провела безоблачное детство в весьма состоятельной большой семье в Кишиневе. Мир, окружавший девочку, пошатнулся в 1940 году, после присоединения к СССР, и обрушился в 1941-м.

Гибель родных, голод, холод, унижения, предательства и компромиссы, любовь и верность, жалость и ненависть... Не поддающиеся нашему нынешнему представлению испытания выпали на долю 12-14-летней девочки-девушки в ее странствиях по оккупированной румынами Бесарабии – Транснистрии.

Несмотря на трагизм обстоятельств, книга читается как авантюрный роман.

В отличие от миллионов ее соплеменниц, Тане повезло. В 1944 году ее вывезли на пароходе из Румынии в Палестину. И такое было возможно... Многие годы она не могла говорить об этом и лишь в конце жизни доверила свои воспоминания бумаге, сперва на иврите, а затем и на языке, который сохранила в памяти.

В книге приведены уникальные фотографии из архива автора.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	7
1.	10
2.	15
3.	22
4.	26
5.	34
6.	40
7.	47
8.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Таня Перес Дитя дорог (хроники 1941–1944)

Об авторе

Таня Перес родилась в Кишиневе, в Бессарабии (сегодняшняя Молдова). Ребенком-подростком оказалась на оккупированной румынскими и немецкими войсками территории. Ее родители и ближайшие родственники погибли в Катастрофе. Но Тане, ценой невероятных испытаний, удалось не только выжить, но и сохранить человеческое достоинство. Девочка в 1944 году отправляется в Палестину. Она становится членом молодежной организации киббуц Эйн Шемер.

В Израиле Таня была среди основателей киббуца Гвулот в Негеве. Там она вышла замуж. После этого переехала в Иерусалим, где училась и занималась в самодеятельном театре. В 1956 году она была принята в труппу всемирно известного театра «Габима». В 1962 году она начала играть в Камерном театре.

В 1966 по приглашению правительства Берега Слоновой Кости Таня создает театр на французском языке (официальный язык в этой стране). В 1970 году она вернулась с мужем

в Тель-Авив и начала заниматься живописью.

Предисловие

Для того чтобы вам стало ясно, в каких местах и в какой период все это произошло, я приведу далее некоторые исторические факты.

В 1917 году, во время Первой Мировой войны, румынские войска вступили в русскую провинцию, Бесарабию, которая находится западнее Украины, между Черным морем и реками Дунай, Прут и Днестр. Бесарабия находилась под румынской оккупацией до 1940-го года, когда был подписан договор немцев с русскими, который изменил дальнейшее развитие ситуации.

Только в конце июля 1939 г. Гитлер принимает решение о сближении с СССР. Еще до начала Второй Мировой войны, Адольф Гитлер одобрил территориальный раздел центральной Европы, Балтики и Финляндии между Германией и СССР. Таким образом, он «изменил» своей «поклоннице», Румынии. Был подписан «Договора о ненападении между Германией и СССР» или так называемый «Пакт Молотова – Риббентропа». Тем самым Гитлер хотел отсрочить начало войны с СССР до более удобного момента. С другой стороны Сталин, осознавая слабость Красной Армии, поддерживал этот договор, надеясь выиграть время для подготовки к войне.

В 1940-м году вошла красная армия в Бесарабию и Буко-

вину, которая находится севернее. Буковина всегда находилась под австрийским влиянием, и до этого находилась в составе Западной Украины – куда и вернулась в наши дни.

Началась быстрая советизация. Создавались органы власти, местного управления, менялась система школьного образования. И, наконец, на улицах городов снова послышалась русская речь. Это очень радовало местных русских жителей, которые относились к румынским властям с отвращением.

Но все закончилось летом 1941-ого, когда Германия напала на СССР. Гитлер пообещал Румынии вернуть ей Бессарабию и Буковину с ее столицей Черновцы. Кроме этого он дал им «подарок»: огромную территорию междуречья Днестра и Буга и другие районы. Это не был подарок в прямом смысле этого слова, скорее это было «одадживание» территорий румынской армии, которая выполняла функции гарнизона, и в действительности должна будет управлять гражданами страны. Такое надежное правление дало Гитлеру возможность беспрепятственного продвижения на восток.

Румыния смогла за короткое время завладеть Одессой и районами рядом с ней. В то же время Красная армия в панике отступает. При отступлении армии из Кишинева, постаравшись вывезти из него всех жителей, город подожгли. Германские войска пронеслись по Кишиневу, как ураган, и устремились на восток, на Украину. Румынская армия получила захваченные территории в свое полное распоряжение.

И в этот раз румыны отнеслись к поставленной задаче с полной серьезностью. Они создали полувоенную сеть управления, и с энтузиазмом принялись за создание концентрационных лагерей для евреев. В этих концлагерях насчитывалось около ста тысяч человек. Румыны издевались над евреями и цыганами, отправляли их на каторжные работы, остальных просто убивали.

Убийство евреев в Бессарабии и Буковине продолжалось с 1941 года и до освобождения территорий Красной армией в 1944 году. Сотни тысяч евреев были убиты! И я была свидетельницей всего этого.

И я была свидетельницей всего этого.

1.

Я начну с конца августа 1941-го, когда немцы «поливали» мой город Кишинев своими плачущими и вопящими бомбами.

Я жила в этом городе с рождения. Дом был огромный, красивый, с большим двором и садом. Двор был полон растений и цветущих акаций. Воздух был наполнен прекрасным сладким запахом.

Рядом с моим окном был большой куст сирени, который вносил свою ноту в симфонию запахов. Я сидела на веранде и думала, что мне нужно сделать для того, чтобы ничего в моем мире не изменилось. Я слышала короткий разговор мамы и папы о том, что может произойти. Я поняла, что немцы напали на русских. До сих пор они не напали на нас, потому что у них был договор с румынскими властями. Румыны, скорее всего, хотели заполучить наш регион, Бесарабию. (Сейчас, когда я пишу эти страницы, это государство Молдова.) На протяжении недели мы слышали страшные звуки бомбардировок. Сирены громко звучали почти каждый час, и тогда мы все бежали в тот самый знаменитый подвал, о котором я еще расскажу. Этот подвал сыграл важную роль в моей жизни!

Я боялась. Очень боялась. Все боялись, вся семья. Нашей главной тревогой было: что делать дальше? Мне не извест-

но, знали ли мама и папа, что нас ожидает. Верили ли они в то, что советская армия выдержит напор врага. В течение нескольких дней выяснилось, что Красная армия в панике отступает.

Моя семья почти никогда не была дома. Все бегали приводить в порядок разные дела. Прислуга разъехалась по деревням. Остались только няня и дядя Илья со своей семьей.

Я не помню ели ли мы. Наверно да, но не по распорядку. Страх был очень силен. Взрывы бомб оглушали. Я замирала на своем стуле на веранде.

По прошествии некоторого времени сирены перестали звучать, но издалека доносились голоса пушек. Советская армия начала отступать из города, вероятно оборона была разрушена. Иногда у наших ворот останавливались машины и грузовики с военными, которые нас звали присоединиться к ним и уехать из города. Часто они заходили во двор и умоляли нас бежать. То, что нет возможности избежать эвакуации, было понятно даже мне!!!

Я думала о Мишке, о моем верном друге, который жил по соседству. Я с ним познакомилась, когда мне было пять лет, и он стал моим лучшим другом. Какими умными были Мишка и его мать. Они уехали из Кишинева вовремя и спокойно. Они взяли с собой много вещей. Я размышляла: где сейчас Мишка? Кто знает, не погиб ли он во время бомбардировок?

Во дворе царило большое замешательство. Мои родители

и бабушка бегали вокруг тети Рули и ее мужа Павла. Они ссорились, и моя семья пыталась их помирить. Выяснилось, что среди общей трагедии была и наша семейная драма. К моему большому сожалению и к моей огромной тревоге у нас в семье создалась безвыходная ситуация. Моя тетя Руля, сестра моей матери, бегала по саду в истерике и громко кричала, что она хочет умереть! Павел был с ней и умолял ее перестать волноваться. Он хотел, чтобы она поехала на восток с нами – с моей мамой, с бабушкой Гольдой и моим отцом. Дядя Павел был прекрасным человеком, с чувством юмора, красивым. Он играл на скрипке и в самом деле очень любил мою тетю Рулю. Но я поняла, что он также был волокитой, легкомысленным и не очень-то честным. Похоже, что дядя Павел страшно влюбился в какую-то женщину и не мог дать ей уехать без него, без защиты на просторы России во время жестокой войны.

Несмотря на мой юный возраст – мне было одиннадцать лет и несколько месяцев – эта история мне показалась очень глупой. Я не понимала, почему мы не собираем вещи, не забираемся в машину и не спасаемся вместе с армией! Все глупости о любви, разочаровании и ревности мне казались не достаточно важными. Мне хотелось, чтобы мы поскорее оттуда убрались. Мой отец вернулся и повторил бесчисленное количество раз, что нужно спешить, спешить, спешить. Я тоже была в панике. Я не понимала, почему все остальные члены семьи заняты глупостями. Моя мама сочувствовала своей

сестре, в полном понимании этого слова. Она ее обнимала, жалела ее и разговаривала с ней. Ничего не помогало. Тетя Руля была полна ревности, ненависти и обиды.

Моя мать очень любила свою сестру, но никогда и ни в чем с ней не соглашалась. Они были абсолютно разные. Моя мама была сдержанной, красивой и прекрасно воспитанной. Я никогда не видела, чтобы она во что-то вмешивалась и высказывала свое мнение. Но сейчас, в этом странном положении, она поддержала свою сестру, поняла ее и согласилась с ней. Тетя Руля была чувствительной, выделялась своей внешностью и поступками, и наверно не совсем рациональна.

Моя мать решала за нее. Она поддерживала ее, и сегодня мне кажется, что тогда, в ту секунду, было принято судьбоносное решение – не уезжать из дома. Остаться в Кишиневе. И никуда не двигаться.

Мама поила тетю Рулю водой, гладила ее по голове как ребенка.

– Мы ни в коем случае не оставим тебя – заявила она однозначно – мы не сдвинемся из дома! Немцы очень культурный народ, и ничего плохого с нами не случится!

Я помню лицо своего отца. Он был не согласен с таким решением, но молчал. По правде говоря, моя мама действительно не хотела оставлять наш прекрасный дом со всем имуществом, и присоединяться к сомнительным приключениям с советскими солдатами и превратиться в нищих бе-

женцев. Бежать в неизвестность? Отец наверно знал больше нас. Он не согласился с мнением матери, но, не смотря на отсутствие здравого смысла в принятом решении, мы остались в нашем дворе.

Это было катастрофическое решение, но это мы осознали позже.

2.

Огонь, дым, удушье, так выглядел горящий город, и это было ужасно. Огонь лизал все и вся. Воздух был полон тяжелым дымом. Все прежние звуки затихли. Мы не слышим машин и грузовиков армии. Наверно начался конец. Папа взял все в свои руки. Он созвал всех нас и сказал:

– Возьмите немедленно все, что необходимо, немного еды и сейчас же вон отсюда. Сейчас же!

Мы собираем теплые вещи, несмотря на августовскую жару, пальто, сапоги, шарф и даже мою шерстяную шапочку, все, что было перед глазами. Моя няня собирает мои вещи, и мы выходим.

Мой большой пес, мой золотой сеттер, прилипает к моим ногам и поджимает хвост. Мы выходим на улицу за наши зеленые ворота, моя маленькая семья, моя дорогая няня и мой пес. Кошка моей мамы осталось дома, как и все остальные животные. Мы выходим за ворота, и идем по склону улицы. Огонь распространяется по обеим сторонам улицы. Невозможная жара. Искры летят над моей головой. Языки пламени быстро охватывают фасады и окна. От жары окна с шумом разбиваются вдребезги. Начинается ветер. Папа хватает меня за руку и тянет быстро, быстро вперед. Дядя Павел тащит свою жену с нами. Он ее не оставил. Мама, няня и бабушка кашляют, задыхаются, спотыкаются, но все-таки

продолжают бежать. Одноэтажные дома выглядят прозрачными. Огонь превратил их в костры! Мы бежим все быстрее и быстрее. Вдруг площадь. Площадь полна людей. Истерика. Но есть больше воздуха, легче дышать. Все ищут всех. Вдруг я замечаю, что мой пес исчез! Я плачу.

– Папа, где он? Куда он исчез? Почему он меня оставил?!

– Собаки знают гораздо лучше нас, что делать. Он нашел лучшее укрытие.

Папа не сказал правду. Больше я никогда не видела своего пса.

С этого момента мы начали искать место жительства на юге города. Няня пока осталась с нами. Она очень нужна была моей бабушке.

Юг города. Несчастные домишки, беднота, грязь! Южная часть города была совершенно пуста. Кривые улицы, дома, покинутые и грязные свидетельствуют, кто там жил раньше. Как бы ни было, это население было умнее нас, они сумели удрать из этого города вместе с отступающими войсками.

Я чувствую внутренний холод и пустоту в сердце. Все время я вижу перед глазами мою собаку и белую мамину кошку. Где они? Я стараюсь преодолеть слезы и смотреть на вещи, как они есть. Я бегу по улицам. Я ищу пустой дом. Я нахожу!

– Идите скорее сюда! Сюда, сюда! Сюда!!! Осторожно, тут две ступеньки вниз. Бабушка осторожно, ты еще можешь сломать себе вторую ногу!

Бабушка наверно не была очень стара. Она все-таки суме-

ла сломать себе ногу, несколько лет назад, когда она, по ее словам, преследовала «нахального» кота!

Из всей моей семьи оказалось, что она, моя бабушка, самая практичная и самая умная! Она сразу же начала находить места, раскладывать вещи и обживаться. Моя няня, забывая свой возраст, начинает помогать бабушке. Моя маленькая семья, папа, мама, бабушка и я, заходим в этот нищий запущенный домик. На столе была еда, грязные тарелки и чай был горячим. Все вещи этой семьи были там. Они были разбросаны на полу, диване на стульях. Было видно, что они оставили дом в страшной спешке. Страшная грязь, повсюду висит паутина. Тяжелый запах, чувствуется беднота и удушье.

– Когда все кончится, вернемся домой – говорит мама.

Я знаю, что мама не говорит правду, это никогда не случится, но я молчу, не хочу говорить то, что я думаю. Мы заняли этот дом, а по близости нашли свое место тетя Руля и ее муж.

Эту ночь мы провели в попытках привести дом в порядок. Мы решили не ложиться в кровати, потому что они были полны клопов. Мама спит на столе. Бабушка находит себе место на каком то диване, почему-то она решила, что на нем нет клопов. Я и папа спим на стульях. Мне это не мешает! О еде мы не думали, меня это не интересует.

На следующий день мы начали ходить по улицам, чтобы понять и увидеть, что происходит. Самолеты прекрати-

ли бомбардировку. Город был пуст. Царила тишина, очень странная тишина. Большое открытие! Наша улица полна детей. О, какая радость! Я знаю некоторых из них. Без того чтоб спросить позволения, мы начали бежать по улицам, чтобы увидеть, какая армия входит в город. Мы очень любопытны!

В моей памяти осталась фраза, которую кто-то сказал, наверное, мама: **МЫ БЕЗДОМНЫЕ!** Эта фраза преследует меня до сегодняшнего дня. Это правда, с тех пор у меня нет дома.

Наше пребывание в этой части города продолжилось несколько месяцев. Эта часть города была ограждена и превратилась в гетто. Румынские войска охраняли ворота и не позволяли нам пойти и посмотреть, что случилось с нашим домом. К нашему счастью молдаванские мужики приносили пищу, и потому что у моего папы еще были деньги, мы могли есть вдоволь. Я не помню, что мы ели.

Мама заболевает тифом. И о, чудо! Бабушка проявила себя очень хозяйственной. Она мыла маму, она сумела просунуть еду между ее сжатыми челюстями и поила ее горячим чаем. И посмотрите, какое чудо! Она говорила с ней ласковыми словами! Это было не обычно!

Моя тетя Руля и ее муж жили в другом доме. Вдруг на днях влетает дядя Павел и кричит – «вы не видели Рулю?!» – мы не понимаем, о чем он говорит. Спустя несколько дней мы узнаем, что румынские солдаты, которые считали себя

полными хозяевами этого места, решили собрать триста двенадцать женщин. Они нашли красивейших женщин и привели их на холм возле реки. Они взяли с собой несколько здоровых и сильных евреев и потребовали, чтобы они выкопали глубокий ров. Они поставили женщин в прямую линию надо рвом и расстреляли их. Одна из этих женщин была моей красивой тетей Рулей. Мы узнали об этом от одного из этих евреев, которых заставили покрыть трупы землей. Один из них рассказал бабушке и папе что одна из этих женщин, и наверно, это была тетя Руля, подошла к нему и попросила сказать, что она ничего не боится, потому что она идет к своему папе! Мы сразу поняли, что это женщина была моя тетя Руля, это был ее стиль. Трудно было понять и освоится с мыслью, что эта красивая, темпераментная женщина убита! Расстреляна руками румынских жандармов по приказу немцев.

После этого несчастья моя мама потеряла дар речи, она только говорила простые слова: воду, горшок, холодно, жарко. Папа и я были в отчаянии, как и бабушка и, конечно, няня. Няня приходила к нам каждое утро из города, через посты румынских жандармов, ругая их беспощадно. Все последнее время она продолжала жить в своей маленькой квартире на заднем дворе нашего дома, которая к счастью не сгорела. Она рассказывала нам о дяде Илье и его семье, и обо всех животных, которые выжили. Я страшно завидую ей, она может вернуться в свой дом, где она прожила всю жизнь.

Иногда я хотела присоединиться к ней, но папа не разрешал мне сделать и одного шага без него. Бабушка постоянно занималась мамой, варила обед, и, главное, старалась наводить порядок в доме. Странно было называть это место домом. Няня иногда приносила еду и лед, потому что в этом домишке нельзя было держать ничего больше нескольких часов, в нем не было погреба.

Няня и бабушка совершенно не походили друг на друга, ни с какой стороны! Няня была замечательная, очаровательная, хорошая, приятная, толстая и мягкая! Бабушка же была высокая, худая, твердая и властная женщина. Каждое утро она застегивала все пуговицы своей блузки до шеи даже в августе! Но, несмотря на это, она не отказывалась от тяжелых работ.

В первые три месяца после несчастья жизнь в нашей хижине начала казаться более упорядоченной. Я встретила много детей на улице. Мы играли с мальчиками и девочками, много смеялись и прыгали, и вместе с тем мы были в напряжении и страхе оттого, что нас ждет. Мы пробовали понять ситуацию по разным слухам, которые слышали от взрослых.

«Что будет? Что будет?!» – постоянно висела неизвестность над нашими головками. Наш страх был основан на слухах, которые расползались из дома в дом как ядовитые змеи.

– Убьют нас всех! Перебросят нас через Днестр. Посадят нас в тюрьму и лагеря.

– Изнасилуют всех женщин и девочек, а потом убьют.

– Не надо отсюда двигаться и надо сопротивляться!

Все, что я слышала на улице, я хранила в сердце и ничего не рассказывала семье. Папа выглядел озабоченным. Почти не разговаривал. Большую часть времени он неподвижно сидел и думал. Я не знаю, о чем он думал. Болезнь мамы, смерть тети и потеря дорогой работы, он был профессором на медицинском факультете университета, он преподавал мертвые языки, греческий и латынь. По профессии он был адвокатом и врачом. Иногда он подходил к постели мамы, поправлял ей подушку, смотрел ей в глаза, клал свою руку на ее лоб, чтоб проверить температуру. Не было термометра. Все медицинские принадлежности папы остались позади. У папы было много инструментов, которые он держал дома и, разумеется, что он взял с собой только несколько необходимых лекарств, термометр разбился. Мама смотрела ему в глаза и что-то шептала. Он приближал ухо к ее губам, чтобы что-либо разобрать:

– Я вроде бы чувствую себя лучше.

– Ты выглядишь гораздо лучше. Ты, наверно, выздоравливаешь, – говорит папа.

Я стою у двери и говорю себе: они оба беспощадно врут.

3.

Спустя несколько месяцев, в середине дождливой и холодной осени, скорей всего это было в ноябре, нас решили перевезти на Украину. В гетто были разные слухи и разговоры, были попытки остаться в нем подольше и не выезжать. Я почти ничего не понимала. Решение сверху – наверно, из Бухареста, от самого Антонеску – перевезти всех евреев Кишинева и округи за Днестр, было судьбоносным и привело к уничтожению сотен тысяч человек.

Территория между Днестром и Бугом стала называться Транснистрия, туда нас и должны были отправить.

Мы вышли из Кишинева. Нас посадили на телеги, запряженные быками. Нас вывозили улицу за улицей. Многим в это время удалось бежать из гетто. Нам не удалось. Из-за болезни матери и бессилия бабушки.

Мы выходим на улицу, в конце улицы ждут несколько телег. Мы пытаемся посадить мою маму и бабушку на одну из них. Бабушка очень злится и кричит: «Куда мы едем? Зачем мы едем?» К ней подходит один из сопровождающих нас солдат с нагайкой в руках и говорит: «Замолчи! Заткни свой рот!», он взмахивает нагайкой над ее головой. Бабушка молчит. Она понимает.

Когда нам удалось посадить бабушку и маму, колонна двинулась в путь. Мы с папой плелись по грязи. Мы не видели

дядю Павла. Это была длинная колонна. Крики. Плачь. Удары нагаек и выстрелы. Это продолжалось несколько дней. Мы не останавливались на ночь. Кто не выдерживал – оставался позади. Наша судьба была ясна. Папа заплатил извозчику, который вез маму и бабушку. Мы плелись позади. Я думаю, что мы вышли на реку Днестр только через несколько дней, голодные и избитые.

Река Днестр. Широкий мост. Нас снимают с телег. Приказывают продвигаться вперед. Грязь! Бабушка не может идти. Ее тащат. Снова нагайки, крики и выстрелы. Мы с трудом продвигаемся. Мама все-таки пытается идти. Переходим мост. Мы на Украине! Отсюда и до реки Буг простирается Транснистрия. Мы становимся в колонну. Телеги исчезли. Молдавские извозчики остались позади, не без вознаграждения – нам пришлось расстаться с деньгами, драгоценностями и мехами. Идем пешком.

Входим в город Рыбница. Колонна продвигается очень медленно. Моя бабушка не может идти. Моя мама иногда падает. Бабушка садится в грязь. Папа решает, что нам надо пройти на боковую улицу. Он наверно думает сбежать из колонны. Мы ищем укрытие. Приближаемся к пустым зданиям. Внутри сухо. Мы одни. Садимся около стены, накрываемся пальто и отдыхаем.

Прошли несколько часов. Может даже день и ночь. Мы двигаемся механически. Спим. Не разговариваем. Вдруг заходят несколько солдат. На самом деле это были жандармы.

– Что вы здесь делаете? Кто вам разрешил здесь быть?

Они еще не достали свои нагайки. Папа встает. Подходит к ним, засовывает руки карманы брюк, тем самым, показывая им, что есть «вознаграждение»... Они стоят и смотрят на него. Папа достает тысячу рублей. Они берут деньги и разрывают на мелкие клочья.

– Большевик! – они кричат и бьют нагайками – У нас есть наши деньги! Чего ты нам суешь свои проклятые русские деньги! Жид! Грязный!

Лицо моего отца закрыто. Мама плачет. Бабушка кричит:

– Принесите мне кипятка, чтобы сделать чай! Мне нужна чашка чая!

Мама тихо говорит:

– Она сошла с ума!

Папа облокачивается на стену. Его лицо бледное. Они смеются над бабушкой. И пинают ее. Она, страшно крича, проклинает их. Они бьют ее нагайками. Они хватают ее за руки и тянут наружу, как мешок с картошкой. Она продолжает кричать. Один бьет ее, второй копает яму. Она жутко кричит. Я смотрю. Они продолжают ее бить и копать яму. Они тянут ее в яму. Она кричит. Они кидают ее в яму. Она кричит. Они кидают на нее землю. Она кричит. Они закрывают ее землей, и она кричит. Я не плачу. Я не плачу. Бабушка больше не кричит.

Я возвращаюсь в пустой зал. Папа стоит рядом со стеной. Моя мама в обмороке. Я подхожу к ней и проверяю теплая

ли она. Я думала, что она умерла. Нет, она не умерла, она потеряла сознание. Я сажусь рядом с ней, на место бабушки. Я вижу бабушкин маленький сверток. Открываю его. Нахожу баночку варенья. Нахожу ложку. Медленно ем варенье. Ложечку за ложечкой. Я не плачу. Я смотрю на маму и на папу. Мама в обмороке. Папа молчит. Что-то внутри меня замерло.

4.

Я ничего не знаю. Как мы попали в колонну, и что с нами случилось после смерти бабушки. Куда нас веди? Папа дал деньги украинским крестьянам, которые оказались не такими грабителями, как молдаване, и не отвергали русские деньги. Папа «позаботился» о них. Они подняли меня и маму на телегу. Ночевали мы в старых колхозных амбарах. Когда советские солдаты отступали, украинские крестьяне спешили забрать из колхозных помещений животных и сельскохозяйственные инструменты. А теперь румыны превратили эти пустующие помещения в наши ночлежки.

Было трудно достать еду. Мы мало ели. Пока что нас не били. Мама была безразлична к происходящему. Она совсем не разговаривала. Папа все время что-то делал. Он искал все, что нам было необходимо: воду, еду и теплый угол. На дорогах расстреливали тех, кто отставал. Других били нагайками. Люди оставляли своих детей в снегу. Своими глазами я видела, как молодая женщина, которая несла ребенка, упала несколько раз и не могла идти дальше. Ее ударили по затылку, солдат схватил младенца и кинул его в снег подальше от нее. Женщина продолжила идти и больше не оборачивалась. Снег сыпал без перерыва. Он покрыл грязь, было легче идти. Снег шел днем и ночью.

Декабрь на Украине. Было очень холодно. Мама была оде-

та в два пальто. Мне кажется, что на мне было тоже два. На папе была меховая, серая шуба, которая когда-то была очень красивой. Еды не было. Мы продвигались от склада к складу. Каждый день от одного колхоза к другому. Мы спали под навесами, в которых раньше были животные, и в пустых амбарах. Папа был уставшим. В один вечер, в полнолуние, я увидела, что он поседел. Он не был похож на моего папу, которого я знала. Он был очень слаб. Мой папа, всемогущий папа, изменился.

Что-то внутри меня сломалось. Моя мама больше не была моей мамой, она была равнодушной. Ее глаза почти всегда были закрыты. Папа тоже не был похож сам на себя. Он тяжело дышал, и иногда я слышала, как он вздыхает. Где мой чудесный папа, сильный, поддерживающий? Где он? Он был очень слаб. В одну из ночей он снял свою шубу и накрыл мою маму. Он вытащил из кармана сверток с драгоценностями и поцеловал маму в лоб. Он поцеловал меня. Я у него ничего не спросила. Я знала. Мой папа вышел в черную, безлунную ночь, в снег. Послышался выстрел. Мой папа был мертв.

На следующее утро я искала его тело, но не нашла. Было много тел. Некоторые из них я перевернула, чтобы увидеть их лица. Я не нашла папу. Это был его конец.

Прошли не менее трех месяцев с тех пор, как мы перешли Днестр.

Пришел конец и моей маме. Моя красивая мама очень постарела. Она была очень уставшей и оторванной от действи-

тельности. Ее движения были механическими. Мы сделали все, что было нужно. Я держала ее за руку и тянула ее за собой. Однажды мы проходили через деревню – Нестоито, как мне стало известно позже – я вытащила мою маму из колонны в маленький переулочек. Мы шли медленно-медленно. Очень медленно. С обеих сторон были заборы и маленькие, типично украинские домики. Позже мне стало известно, что в этой деревушке жили цыгане, которых туда «заселили». Советские власти не примирились с кочевничеством цыган и с их образом жизни. Они решили, что цыгане должны быть как и все советские граждане и должны жить в домах. Я думаю, что это был долгий и болезненный процесс, но на первый взгляд эти люди жили так же, как и остальные украинцы.

Мы с мамой продвигаемся по середине дороги, и вдруг распахивается окно с правой стороны улицы и оттуда показывается женская голова. «Смотри, смотри, девочка и старуха идут по дороге». Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, где девочка и где старуха. Улица пуста. Вдруг я понимаю. Девочка и старуха – мы! С двух сторон улицы лают собаки. Я очень люблю собак. На меня никогда не лаяли собаки. Я подхожу к забору. Я пытаюсь погладить пса, который подходит и нюхает мою руку. Мама сидит в снегу с закрытыми глазами. Она рада, что долгий поход закончился. Ошейник собаки пристегнут цепью к проволоке, которая натянута вокруг дома. Пес большой и красивый. До того как мы подошли,

он лаял, но сейчас я глажу его по голове. Он издает дружжелюбные звуки. Я тебя люблю, пес! Я приближаю к нему свое лицо. Он меня лижет по носу. Я смеюсь. Его язык горячий и шершавый. Я держу его голову в обеих руках и смотрю в его глаза. Вдруг человек, наблюдающий за нами, спрашивает меня по-русски:

– Что вы тут ищете? Что вам нужно?

– Не много, мы с мамой хотим переночевать у вас, если можно?

Мужик смотрит на меня, и я вижу что-то странное в его лице.

– Что ты сделала, что пес тебя полюбил?

– Я не знаю. Собаки меня любят, а я люблю их.

– Да, я вижу. Твоя мама спит или в обмороке?

– И то и другое. Моя мама очень устала. Помогите мне завести ее в дом.

Он поднимает маму и заводит ее в дом. Его жена стелет что-то около печи. Он укладывает маму. На печи лежит ребенок, девочка, укрыта двумя клетчатými одеялами. Она спит. Очень тяжело дышит. Лицо у нее красное. Мужик ничего у меня не спрашивает и его жена тоже. Я сижу на лавке около стола. Кто-то, наверно его жена, приносит мне горячую кукурузную кашу. Это хорошо пахнет. Я пытаюсь покормить маму с ложечки. Она не хочет раскрыть рот. Я доедаю кашу. Мне приносят стакан молока. Мужик подходит ко мне, поднимает мой подбородок пальцем, смотрит мне в глаза...

– Я хочу знать, как тебя зовут?

– Меня зовут Татьяна.

– Что? – сказали они вместе – нашу дочь зовут Татьяна!

– Ваша дочь больна? Сколько ей лет?

– Ей одиннадцать и у нее тиф.

– Мне тоже одиннадцать.

Я уснула на лавке. Женщина сняла с меня пальто и постелила его на полу рядом с мамой. Я легла рядом с ней и положила руку маме под голову. Мама крепко спит, но когда почувствовала меня рядом, она проснулась. Она посмотрела на меня и сказала мне охрипшим голосом:

– Таточка, иди к Рае!

– Раи здесь нет.

Она закрыла глаза и сказала:

– Я тебе говорю – иди к Рае!

Я не поняла, почему мама попросила меня идти к тете Рае. Она прекрасно знала, что тетя Рая в Бухаресте. Я ее обняла и уснула. Утром я проснулась. Мамы нет рядом.

– Где мама?

– Твоя мама ушла в лучший мир, – сказала мне крестьянка – теперь ей не холодно. Ей не больно.

– Но где она?

– Мой муж отвез ее на санях в лес, там он выкопает ей... могилу. Возьми ее пальто. Оно ей больше не нужно.

Я держала пальто двумя руками. Длинное черное пальто.

– Ты не сможешь его носить. Даже мы, цыгане, не носим

такие длинные вещи.

– Вы – цыгане?

– Да, мы цыгане. Мы недавно в деревне. Пытаемся при-
выкнуть.

– Мне надо уходить?

– Нет, нет. Не уходи никуда. Когда мой муж вернется, мы помолимся о душе твоей мамы. Потом мы тебя искупаем, отчистим тебя от вшей и оденем тебя в одежду нашей Тани.

– Зачем нужно менять одежду?

– У цыган есть поверье: если кто-нибудь болен, его нужно одеть в одежду здорового человека и тогда обоим будет удача.

Я не поняла, о чем она говорила.

– Я думаю, что сейчас тебе лучше сесть за стол и выпить стакан молока. Это поможет тебе. Я зажгу свечку для твоей мамы.

– Зажги три!

– Три? Зачем?

– Одну для бабушки, одну для папы и одну для мамы. И наверно надо и для меня...

– Нельзя так говорить! – она три раза перекрестилась –
Нельзя! Ты говоришь глупости!

В тот же день меня помыли с мылом. Одели в одежду больной Тани. Повесили на шею цепочку с огромным крестом. Все вещи засунули в горячую печь, после того как вы-
тащили оттуда угли. Кроме сапог конечно.

– Зачем вы это делаете? Все сгорит?

– Нет! Не сгорит! Все вши погибнут и их яйца тоже. Вещи будут как новые.

Меня охватило какое-то странное безразличие. Пустота. Я не плачу.

– Когда вы оденете Таню? Объясните мне, что происходит, когда мы меняемся одеждой?

Как раз зашел цыган и, услышав мой вопрос, ответил:

– Это для нее и для тебя! Вы обмениваетесь душами! Ей станет легче, и она выздоровеет, и тебе станет легче, и ты будешь, как новенькая!

– Таня выздоровеет?

– Она точно выздоровеет!

– А что будет со мной?

– Ты останешься здесь, пока не почувствуешь себя хорошо. А потом мы тебя отправим искать твою удачу, твоих людей.

Так и было. Через несколько дней, одетая в теплые вещи, с огромным крестом на шее и в валенках Тани, я стою в дверях. Я не спрашиваю, куда мне идти. Знаю, что мне нельзя оставаться там. Перед тем как я выхожу, мне объясняют, где я нахожусь, куда идти и что говорить. Ни в коем случае не ночевать в одном месте больше одной ночи. Не рассказывать много. Хранить язык за зубами.

Обнимаю их и целую Таню, она горит. Целую пса Жучку. Он облизывает меня с преданностью и любовью. Я вижу сле-

зы на глазах цыгана и его жены. Перед тем как выйти я замечаю маленький узелок в углу. Я беру его и выхожу из ворот. Спасибо этой семье за то, что они мне сделали. Спасибо! Я вас не забуду!

Я иду медленно в сторону леса. В моей руке узелок и в нем драгоценности мамы и бабушки. Я его не открываю. Бросила его в снег. Я другая.

Конец моей семьи.

5.

Когда я родилась, Кишинев, был очень развит. Очень большой. Я бы сказала, как Тель-Авив, наверно. Я не знаю, как выглядел Тель-Авив тогда, но мне кажется, что примерно так же. Была николаевская архитектура и западная тоже, примерно как барокко, которое я встретила потом в Париже и в других европейских столицах. Улицы были очень широкими. Был трамвай. В детстве я видела много повозок с лошадьми и мало машин.

Я родилась в очень состоятельной семье. Мой дед экспортировал пшеницу и другие злаки. Дома постоянно говорили о «миллионах и вагонах». Я помню, как мой дедушка выходил на веранду и перед ним четыре еврея. Всегда евреи! Они держали в руках разные виды зерна, и говорили, с каких полей они были взяты. Дедушка брал в руки несколько зерен, перекачивал их между пальцами и спрашивал первого еврея:

– Сколько?

Ответ:

– Покупай!

Таковыми же были и остальные ответы. Но если ему не нравились зерна, дед делал рукой отрицательное движение, этого было достаточно чтобы понять ситуацию. После этого смешного процесса дедушка звал одного из них к себе в кабинет и давал ему нужную для покупки сумму. Это никогда

не было в наличных, это было нечто наподобие чека, который был написан рукой деда: «прошу заплатить такому-то такую-то сумму», подпись, печать и название банка. Этого было достаточно.

Эта процедура была очень важной. Остальные ждали около ступенек, им подавали водку по поводу сделки. Водка подавалась на красивом блюде в сопровождении красивых и вкусных вещей, названия которых я никогда не знала. Эта церемония проводилась лично бабушкой, а не прислугой. У этого, наверно, была высшая степень важности – ведь разговор был о миллионах! В конце все переворачивали рюмки в горло, вытирали рот рукавом и издавали странный гортанный звук. Наверно это было нужно для питья водки. Потом дедушка звал мою маму в кабинет. Моя мама была правой рукой деда, и очень этим гордилась. Кабинет был святым местом. Я всегда старалась там быть, в основном из-за зеленой настольной лампы. Я до сих пор ищу такую зеленую лампу, как у деда, но не нахожу.

Разговоры с мамой были о делах. Я полагаю, что мама была очень горда, тем, что дедушка сделал ее своим доверенным лицом. Мой дедушка был очень тяжелым человеком, очень богатым, но, не смотря на это, не было лучшего человека во всем мире. Я его очень любила. Моя бабушка, напротив, не была особо приветливой.

Дом. Понятие «дом» навсегда осталось в моем понимании домом, в котором мы жили тогда. Мне не удобно говорить,

но в том доме было двенадцать комнат. Это звучит смешно сегодня. В общем-то, мы были не большой семьей: бабушка, бабушка, папа, мама и я. У каждого была своя комната, кроме меня, потому что няня спала в моей комнате. Пес и кошка жили со мной. Оба. Белая кошка жила в гостиной около печки. Моя тетя Руля и дядя Павел жили в другом доме, который был рядом с нашим, в одном дворе. Их дом был тоже достаточно просторным. Было два двора. Один из них, на него выходили балконы дома, был полон цветов, деревьев и зелени. Во втором дворе были квартиры прислуги, известного дяди Ильи и его семьи и квартира няни. Она там никогда не жила, только наводила там порядок. Почти весь день и всю ночь она была со мной. В этом дворе была так же и конюшня, в ней были лошади и коляска, а позже из нее сделали гараж для автомобиля. Я вспоминаю красивые зеркала, которые доходили до потолка. Были вазы, рояль, паркет, большие окна, персидские ковры и старинная и очень красивая мебель. Сегодня я не уверена, что это все было так же красиво, как я это описываю, но для меня это всегда будет символом дома и семьи. В этом дворе было так же много собак и кошек, за которыми я ухаживала. Папа всегда поддерживал мое желание ухаживать за животными, до сих пор я считаю это своей миссией. Каждому из этих животных чего-то не хватало. У одного не было хвоста, у другого ноги, уха или глаза. В моих глазах они все были самыми красивыми. Мой папа тоже ухаживал за животными. Мы их называли «наш

зоопарк». Я думаю, что я унаследовала от папы свою безграничную любовь к животным.

Я хочу сказать еще кое-что про папу. Папа был большим человеком в моих глазах. В молодости он изучал юриспруденцию в Хайдельберге. После того как он вернулся в наш город, он должен был управлять со своим отцом сетью банков, которая была в нашем районе. По рассказам, он не согласился, потому что он считал банковское дело грабежом. После этого его отец запретил ему учить что-либо еще. Его мать спасла его тем, что отдала свои драгоценности, завязанные в носовой платок, и с их помощью он смог завершить обучение в университете Милана. Там он учился медицине. Когда он женился на моей маме, он уже был дипломированным врачом и лектором в университете. Мама была моложе его.

Папа очень любил музыку, в основном классическую. У нас были разные патефоны и граммофоны. Мама и папа разговаривали между собой на французском, чтобы я не поняла. Достаточная причина для меня сразу же выучить французский! Но у нас в доме было место и для итальянского, в основном из-за опер. Большинство опер были на итальянском. Папа пел, а мама играла на рояле, по-видимому, неплохо. Тетя Руля была более музыкальна. Она лучше играла на рояле и пела намного лучше. Ее шаловливый муж аккомпанировал на скрипке. Я ненавидела это! У меня получалось играть на рояле только гаммы: до, ре, ми, фа, соль, ля, си,

до. Это был предел моих возможностей.

Но я прекрасно умела рисовать. Я рисовала чем только можно, даже углем и мелом, на полу веранды и на стенах дома. Меня без конца ругали. Результат был положительным. Папа понял мои стремления и повел меня к своему другу, который жил в деревушке художников за городом. В деревне были и животные. Был особенный вид, который служил темой для рисунков. Большинство художников в деревне были взрослыми, носили рубахи-толстовки и подвязывались веревочным поясом. Отращивали бороды, разговаривали басом и были очень милы. Мне очень понравилось там рисовать, хотя меня ограничили, к моему сожалению, изображением кустов.

Однажды, когда я попросила разрешение нарисовать курицу, мне сказали что это категорически запрещено. Мне сказали, что только на следующий год я смогу начать рисовать курицу. Результатом было то, что я пробралась в хлев и стала рисовать там и курицу и корову! Мне кажется, что курица вышла гораздо больше, чем корова. Я спрятала рисунок среди кустов, и к моему несчастью пошел дождь. Дождь размазал корову по курице. Хотя к моему ужасу рисунок уцелел и как доказательство моего греха был принесен на обсуждение художников. Друг моего папы меня сильно отругал, сопровождая свою речь рассказами о перспективе и пропорции. У меня взяло немного времени справиться и с этим. Я всегда краснею, когда думаю о маленькой корове и огромной

курице.

Детская история... я не знаю насколько это все важно.

6.

Я возвращаюсь немного назад. В тот момент, когда я стою в лесу и у меня в руках папин платок, в котором находятся все брильянты, серьги и жемчуга мамы и бабушки. Все, что было важно и любимо для них. Я взмахнула рукой и бросила это подальше от меня. Как можно дальше, чтобы не захотелось забрать это назад. Я чувствовала, как будто бы я опозорила мою семью. Я поняла, что если меня поймают со всеми этими вещами, то сразу поймут, откуда я и кто я. Даже не поможет деревенская одежда бедной цыганки Тани.

Вокруг все сияет белизной. Снег, снег, снег. Как было приятно ходить в теплых валенках. Валенки были и легкие и теплые, это меня удивило, когда я их увидела в первый раз, они мне показались деревянными. Несмотря на тот ад, который остался позади, я почувствовала облегчение! Дорога была длинной, но не скучной. Несмотря на холод, к моему удивлению, птицы щебетали, как будто зимы и не было. Вдруг мне показалось, что какое-то маленькое животное проскочило между деревьями, но не подождало меня и убежало. Иногда я засыпала, садилась возле дерева и засыпала. Не знаю, сколько времени прошло. Много времени. Очень много.

Когда я вышла из леса, через день или два, вдруг увидела поле. Широкое кукурузное поле, после сбора урожая. Поче-

му-то земля была голая, без единого следа снега. Я прохожу между сухими рядами кукурузы. К моему величайшему сожалению я не нахожу ни единого кочана. Наверно все было давно собранно. Вдруг мои валенки меня подводят. Очень тяжело ходить в них по промерзлой земле. Я устаю. Вдруг собачий лай! Останавливаюсь. Вижу, что я подхожу к поселению. Передо мной появились четыре собаки. Каждая из них с меня ростом.

Я была очень маленькая для моего возраста, собаки прыгнули на меня и опрокинули. Я не испугалась. Они меня лизали, и я их гладила. Я счастлива.

Они такие теплые и их мех такой мягкий. Мне не приходит в голову, что они могут причинить мне вред. Издали я слышу ужасные крики. Кто-то старческим голосом кричит и зовет собак назад и ругает их всякими именами.

– Ай-ай-ай, – он кричит.

Я лежу и дышу, как он орет во всю глотку:

– Я вас убью! Теперь вы начали убивать детей! – вдруг он останавливается и видит, что я хохочу.

– Вставай девочка! Они тебя не обидели?

– Нет! – я отвечаю. – Не трогайте их!

Дед был вооружен палкой. Этот дед был старый, но очень симпатичный! Его домик был особенный, не похожий ни на что другое. Дед говорил по-русски, а не по-украински. Он усадил меня у печки, снял валенки, он увидел мои совершенно голые ножки и поцокал языком. Ушел куда-то и вернул-

ся с кружкой горячего молока и огромным куском горячего хлеба и... с маслом и медом!!! Трудно было открыть рот и откусить кусок. Это был очень толстый кусок! Но теперь я его одолеваю! Дед смотрит на меня с умилением и говорит:

– Прямо из печки, – и улыбается.

Вдруг я начинаю плакать. Дед спрашивает:

– Папа и мама?

– Нету... и бабушка ... и тетя. Все!

Я продолжаю плакать.

– Успокойся девочка. Я буду с тобой, сколько я смогу.

Мне кажется, что я была долгое время у этого деда. Его домик стоял на поляне, совершенно одинокий. В округе не было никакого жилья. У моего деда не было ни птицы, ни коровы. Даже козы не было! Только пасека – довольно большая. Книжки! Необыкновенно! Вся русская классика! Все, что я видела дома! Я хватаю книгу, лезу на печь и упиваюсь чтением.

Заболела желтухой! Меня тошнит и болит голова. Дедушка заходит и смотрит на меня.

– Ты желта как лимон!

– Меня тошнит и жарко, наверно температура. У тебя есть термометр?

– Ничего не нужно. Есть лекарство! – отвечает дед. – Мед! Мед! Мед! Мед без хлеба! Мед с хлебом! Мед! Мед!

– Почему не молоко? Где молоко?

– Нельзя молоко. Печень не любит молоко!

– Пока это пройдет, я смогу читать сколько угодно? Правда?

«Никогда я больше не буду есть мед», – сказала я себе.

– Пошли на пасеку. Я тебе покажу пчел.

– Я ненавижу насекомых! Я боюсь пчел!

– Перестань! Я открываю! Посмотри во внутрь.

– Я ничего не вижу через решетку.

– Ты увидишь! Ты увидишь.

– А!.. А! Это империя! Это просто сумасшествие! Мое почтение! А зачем они мучаются и работают так тяжело? Только для того чтобы упитать эту толстую бездельницу – их королеву!

– И что еще интересно, что после всего этого, они умирают с голоду!

– Это не справедливо! Я не согласна! Надо им давать еду отдельно!

– Когда они едят, они становятся очень тяжелыми и больше не могут собирать пыльцу.

– Я абсолютно не согласна с этим порядком.

– Но это мировой порядок. Ничего нельзя сделать против мирового порядка. Так это.

Я никогда не слышала имени этого деда. Я его называла дедом. Хорошим дедом. Милым дедом. Толстым, немного сгорбленным. Лицо у деда красное?!

– Дедушка, почему твой нос красный?

– Это от водки. Зимой надо греться водкой. Каждое утро я

опрокидываю рюмку в горло и сразу же превращаюсь в крепкого и здорового человека!

– Ты знаешь, дедушка, что у моего деда была такая же любовь? И он тоже опрокидывал рюмку в горло каждый раз, когда он чувствовал себя слабым. Я очень любила своего деда, и тебя я тоже обожаю.

– Ты меня любишь, потому что я вылечил тебя от желтухи.

– Нет! Я тебя люблю, потому что у тебя чудесные собаки!

Дед усмехнулся и погладил меня по голове.

Прошло несколько дней или недель. Вдруг я слышу голоса.

– А... Женщины пришли с деревни покупать мед. Зайди во вторую комнату и спрячься.

Во второй комнате не было отопления. Эта комната служила холодильником. Там стояло молоко, мясо, масло и овощи. Там был особый запах – запах жира, сало висело на крючках, вбитых в потолок. Я понимаю, что все это добро тайно приходит из деревни. Это вместо денег. Женщины приносят все это и берут мед, который продают в деревне. Денег тогда не было, это обменный товар. Женщины говорили очень громко.

Вдруг я слышу мое имя! Страшно боюсь! Сердце бьется, и я уже вижу себя заново выброшенной на снег!

Дед заходит и говорит:

– Идем назад, в ту комнату, я тебе дам еду, и ты должна отсюда уйти как можно быстрее. Эти женщины слышали о

тебе и это очень плохо. Я тебе покажу, как идти, чтобы не наткнуться на деревню.

– Дедушка, я не хочу тебя оставлять. Я хочу остаться здесь.

– Маленькая моя... это опасно. Очень опасно. Женщины рассказали, что румынские солдаты появились в деревне и делают везде обыски. Они могут тебя найти. Я не думаю, что ты должна остаться здесь. Нет другого выхода. Я тебя проведу до леса. Я тебе объясню, как продолжить.

– Я знаю этих румын. Это солдаты, не полицейские. Они ничего мне не сделают. А почему они должны мне сделать что-то плохое?

Я хотела произвести впечатление, что я не боюсь румын.

– Нет, солнышко, – говорит дед. – Ты их не знаешь. Они очень жестокие. Они входят в деревню, проходят из дома в дом и убивают всех и вся, что им не понравилось. Видят корову – режут ее. Они режут гусей, кур. Они беспощадны! Они оставляют после себя полную разруху. Не дай Бог кто-нибудь оказывает сопротивление. Он кончен.

Мне пришлось уйти. Дед снабдил меня большим количеством съедобного. Даже маленькую бутылочку самогона, которую он сам сделал.

– Я не могу пить водку!

– Знай, что это хорошо помогает, когда очень холодно. Сделай один глоток, только один. И ты увидишь, что это поможет тебе шагать дальше. Не забудь мед. Он хорош от всех

болезней.

Я крепко обняла дедушку, поцеловала всех собак.

Я ушла.

7.

И вот я снова в дороге. Я хожу гораздо легче, чем раньше. Я привыкаю к морозу, и это мне даже нравится! Я иду даже днем, без какого-либо страха. Украина под снежным покровом – красавица! Не хватает саней с колокольчиками. Вспоминаю «коробочку» из книги Гоголя «мертвые души». Еще, будучи маленькой девочкой, я читала Гоголя, и в особенности его смешные рассказы. Я обожала Гоголя. Белый снежный покров серебрится. Солнце светит ярко, скрип снега под ногами. Этот скрип я буду помнить всю жизнь. Воздух холодный изумительный и чистейший вдруг приносит запах дыма, издалека вызывая надежду, что кто-то где-то живет. Я думаю о дедушке, который дал мне горячий хлеб с медом. Сейчас же я чувствую голод. Вытаскиваю хлеб с медом, который он дал мне в дорогу, сосредоточенно жую его с огромным удовольствием.

Какой сладкий дедушка! Не забуду этих огромных собак, с которыми я любила спать. Когда ты спишь с собаками, тебе ничего не снится. Сны. Сны. Я начинаю думать о моем городе. Об Александровской улице, широкой и красивой, о том, как я иду между папой и мамой, которые держат меня за руки. Я чувствую, как их любовь течет у меня в жилах. Я вижу в моем воображении наш красивый двор, весь белый. И дядя Илья собирает лопатой снег возле зеленых ворот.

– Не трогайте, пожалуйста, не трогайте снег!

– Быстро домой! Еще простудишься! Будешь больна!

Плохая девочка.

После всех этих эпитетов он прыскает смехом, бросает лопату, и щипает меня за щеку.

Я хочу, чтоб все это вернулось. Я хочу, чтоб все это вернулось! Мечты! Мечты...

Перед вечером я увидела заборы и крыши домов. Первый дом в деревне очень красивый, покрашенный забор, большая собака на цепи, которая была приделана к проволоке, протянутой вокруг дома. Обычная картина, в этом доме была совершенно новая красная черепичная крыша!!! Это очень странно, обычно все дома покрыты соломой. Мне захотелось зайти в этот дом, красивый дом, красивая собака, не лает. Я открываю калитку, замечательная калитка, зеленая, вдруг я вижу, что женщина приближается ко мне и спрашивает:

– Что ты хочешь девочка?

Женщина выглядит городской. На ней нет обычного платка и ее губы подведены красной помадой.

– Что ты хочешь, девочка?

– Я хочу немного обогреться, может быть, чашку чая, если можно.

– Откуда ты идешь и куда? – спрашивает она немного жестким тоном.

– Я иду из другой деревни. И продолжаю искать мою тетю, которая живет в одной из ближайших деревень. Понятия не

имею, где она находится.

– Как же ты ищешь тетку, если даже не знаешь, где она находится?

– Посмотрите, пожалуйста, мои родители были убиты во время бомбежки, я знаю, что тетя жила тут, в ваших краях. Я не знаю названия этих мест.

– А как ты попала сюда?

– Просто так. Из деревни в деревню. У вас красивый дом!

– Как тебя зовут.

– Татьяна.

Вдруг я вижу, что ее лицо страшно побледнело. Она меня хватает за плечи и шепчет:

– Ты должна удрать отсюда как можно скорее! Мой муж – собака-полицай!

Эта женщина страшно напугана. Я не отвечаю. Голос позади меня спрашивает:

– Откуда этот гаденыш?

Я поворачиваюсь назад, смотрю ему в глаза:

– Я не гаденыш! Я Татьяна! Я хожу по деревням и ищу свою тетку. Почему вы меня оскорбляете?

Я вижу на его рукаве ленту со свастикой. В его руках маленькая нагайка, которая за секунду перед этим была у него на поясе. Выражение его лица не совсем приятное. Женщина, которая стоит за мной обнимает меня и держит меня за плечи.

– Ты не тронешь головки этого ребенка. Она под нашей

крышей. Раз в жизни не будь собакой!

Он посторонился. Сквозь зубы он процедил:

– Я забуду тебя. Я забуду твое существование. А ты – обращаясь к своей жене – перестань быть «хорошей душой». Я тебе покажу, что стоит твое золотое сердце!

Я не жду, чтобы узнать продолжение разговора. В миг я пробегаю деревню! Я выбежала из деревни и только тогда остановилась и свободно вздохнула.

8.

Я иду только в лунную ночь. Из одной деревни в другую, из одной хаты в другую я рассказываю истории о себе, о семье, отвечая на вопросы хороших людей, у которых я останавливаюсь на ночь или на день. В каждом доме я рассказываю другую историю. Мне просто скучно было рассказывать одну и ту же историю. Это было очень глупо с моей стороны, как будто бы в каждой деревне я другая Таня. В разных домах, где меня приютили люди на ночь, я греюсь и ем то, что мне дают. Никто не видит во мне еврейского ребенка: светлые косички, короткий носик, круглое личико, все это помогает. Принимают меня с любовью. Они разделяют со мной их скудную пищу. Это не просто! Их основная еда ограничивается картошкой, почти всегда замерзшей, которую они выкапывают в промерзших полях. Они умеют из этой картошки гнать водку, которую называют самогоном. Этот процесс довольно сложный. Сначала пекут эту картошку в огромной печи и дистиллируют это в специальном аппарате, очень красивом и очень сложном. Водка очень нужна для того, чтобы поддерживать настроение этих несчастных людей, голодных и находящихся в постоянном страхе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.